

В Совет по защите диссертаций на соискание ученой степени
кандидата исторических наук, доктора исторических наук
Д 002.248.01 по историческим наукам
на базе Института славяноведения РАН

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Борисенок Елены Юрьевны

«Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике в государствах восточноевропейского региона (1918–1941 гг.)» (Москва, 2015), представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03. – Всеобщая история (Новое и новейшее время)

Диссертационное исследование Е.Ю. Борисенок трудно назвать обычной квалификационной работой на соискание ученой степени доктора исторических наук. По своей значимости оно существенно выходит за рамки чисто прикладного труда, дает материал для важных теоретических выводов и наблюдений, применимых не только для частного случая (украинцы), но и для значительной группы т.н. «расчлененных» народов, все еще проживающих в границах различных государств. Назову только несколько примеров: в Европе это венгры и сербы, в Азии – азербайджанцы, узбеки, таджики, а уж об Африке и говорить не приходится.

В центре внимания соискательницы – выяснение роли и места государства в процессе трансформации этноса в нацию в современном понимании этого термина. Очень важно, что в работе анализируется украинская политика не какого-то одного из государств, в границах которых в рассматриваемый период проживали достаточно большие группы автохтонного восточнославянского населения, а всех их без исключения, т.е. УНР, ЗУНР, Украинской Державы, СССР, Польши, Чехословакии и

Румынии. Столь широкий территориальный и субъектный охват позволяет не только сравнить различные модели государственной политики в отношении украинцев, но и выявить их эффективность с точки зрения преследуемых властями целей, а также понять причины различий в отношении украинцев к представителям вчерашних титульных наций в годы Второй мировой войны.

Нельзя не отметить четкости и точности формулировки объекта и предмета исследования. Особенно удачно определение предмета исследования, в краткой и емкой формуле излагающее главную идею диссертации: изучение «политики украинизации как метода национальной политики, направленного на преобразование этнокультурной и этносоциальной ситуации в странах Восточной Европы» (с. 7).

Именно эта идея предопределила выбор цели диссертации («анализ концепции украинизации и ее реализации в национальной политике межвоенной Восточной Европы») и намеченную для ее достижения исследовательскую программу из 8 пунктов (с. 8-9).

Благоприятное впечатление производит историографический раздел диссертации, насчитывающий почти 70 страниц весьма насыщенного аналитического текста. Из него убедительно следует, что научная разработка проблемы началась лишь в период «перестройки», т.е. относительно недавно, и велась все эти годы очень интенсивно. Подвергнув критическому разбору труды украинских ученых, Е.Ю. Борисенок отмечает достигнутые ими успехи в рассмотрении ряда сюжетов, имеющих непосредственное отношение к теме украинизации в СССР, а также введение в научный оборот большого числа разнообразных источников, главным образом местного происхождения. Вместе с тем, она не согласна с мнением некоторых из украинских исследователей, что на сегодняшний день тема украинизации исчерпала себя и методологически, и содержательно. Истоки такой позиции соискательница видит в том, что украинские историки, чье основное внимание поглощено выработкой собственной концепции национальной истории, не соотносят события на Украине с общесоюзовыми процессами,

сводят проблему только к «противодействию национальных сил сталинскому руководству и союзному центру» (с. 55). Диссидентка не согласна с таким ограниченным подходом, она считает, что исследователям следует перейти к комплексному изучению украинизации как направлению политики в области национальных отношений различных государств с полигетническим населением.

Столь же тщательно анализируется российская историография, для которой, по мнению соискательницы, характерны, с одной стороны, дефицит работ, непосредственно посвященных украинской тематике (это она считает недостатком), а с другой, взгляд «сверху вниз», из центра на республики, внимание к вопросам влияния государства на национальные, экономические, социальные, культурные процессы в республиках, что она считает ее сильной стороной, ибо «изучение процессов, характерных для Советского Союза в целом, в сочетании с анализом реалий Украинской ССР может внести существенный вклад в установление достоверной картины советского национального строительства» (с. 57).

Проведенный Е.Ю. Борисенок анализ состояния украинской и российской историографии проблемы позволил ей сделать два глобальных вывода. Во-первых, об отсутствии на сегодняшний день комплексных исследований политики украинизации, которые бы учитывали происходившие изменения во всем ареале проживания украинцев и показывали сходство и различия между украинизационной политикой в различных государственных образованиях. Во-вторых, обо все еще недостаточном внимании историков к роли внешнеполитических моментов в национальной политике отдельных правительств, в том числе в ее украинском сегменте, к влиянию на эту политику общественного мнения, а также к сочетаемости украинизации и интеграционной стратегии государства.

Работа основана на солидной источниковой базе. Ее составили более 20 фондов центральных государственных архивов Украины и России,

многочисленные сборники документов, прессы и публицистика, мемуарная литература. В сочетании с литературой предмета, привлеченные к работе источники позволяют решить все поставленные исследовательские задачи с достаточной полнотой и на самом высоком научном уровне.

Структурно диссертация Е.Ю. Борисенок построена по хронологическому принципу. Она состоит из введения, трех глав, разделенных на проблемные параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы.

Пересказ содержания работы, насчитывающей почти 1 тыс. страниц, занял бы слишком много времени, к тому же оно достаточно подробно изложено в автореферате. Поэтому ограничусь только оценкой полноты и убедительности реализации сформулированной диссидентской исследовательской программы. Следует сказать, что реализовать ее было не просто хотя бы в силу того, что украинцы и до первой мировой войны, и в межвоенные годы компактно проживали в нескольких многонациональных государствах, и правительства каждого из них вели собственную национальную политику. Если до Великой войны можно говорить о двух правительстенных политиках – Габсбургов и Романовых, то, начиная с ее заключительной стадии и до 1941 г., их стало четыре – советская, польская, чехословацкая и румынская. К тому же они не были постоянными, под влиянием внутренних и внешних факторов они варьировались, причем даже не всегда в общегосударственном масштабе. И надо признать, что каждая из этих политик получила в работе достаточное освещение.

Было ли что-либо общее в национальных политиках правительств, о которых речь идет в диссертации? Да, было – предотвращение сепаратистских настроений и действий национальных меньшинств, в том числе и украинского. Это не была надуманная политика, она диктовалась тем, что во время войны великие державы по обе стороны фронта не только взяли на вооружение в своей борьбе с противниками т.н. право национальностей, но и в 1916-1918 гг. ограничено применили его на

практике. Именно ограничено, ибо державы хорошо понимали возможные разрушительные последствия неограниченного применения этого права. Не случайно Центральные державы в 1918 г. не допускали даже мысли о возможности присоединения к УНР Восточной Галиции, Карпатской Руси или Буковины, а страны Антанты на Парижской мирной конференции разделили все народы Восточной Европы на две группы: имеющие и не имеющие право на независимое существование. Следует сказать, что украинцы Австро-Венгрии оказались во второй группе, однако им, как национальному меньшинству, были обещаны, на основе равноправия национальностей, все права, обеспечивающие развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. В 1921 г. эти права в отношении белорусов и украинцев признали также правительства РСФСР и УССР. Таким образом, возник международный стандарт прав национальных меньшинств и одновременно основание для дипломатических действий, как это было, например, в 1924 г. в случае с нотой Г.В. Чичерина польскому правительству о нарушении им прав национальных меньшинств, гарантированных Рижским договором. Очень важно, что Е.Ю. Борисенок показала самостоятельную роль этого внешнего фактора в советской национальной политике, до нее никто из исследователей столь последовательно этого не делал.

Что же касается других аспектов национальной политики правительств стран, в составе которых после кратковременного периода собственной государственности оказались украинцы, то они, как показано в диссертации, существенно различались. Для выявления их особенностей соискательница проанализировала огромный массив источников и литературы, посвященных положению украинцев во II Речи Посполитой, Чехословакии и Румынии.

Межвоенная Польша была второй по численности украинского населения страной в Восточной Европе. Следует напомнить, что ее собственная судьба имела немало сходных черт с судьбой украинского народа. После разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. поляки более чем

на столетие потеряли собственное государство и должны были жить под иностранной властью. Казалось бы, им, как никому другому, легче всего было понять тщетность попыток ассимиляции многомиллионных инонациональных групп населения. И, тем не менее, после воссоздания своего государства, они избрали именно такую политику в отношении украинцев. Диссертантка весьма обстоятельно показала те модели ассимиляции, которыми пользовались доминировавшие в Польше политические силы. До мая 1926 г., пока определяющее влияние на политику правительства оказывали национальные демократы и их союзники, это была политика полонизации, выражавшаяся в частности в принятии языковых законов С. Грабского, отказе в автономии воеводствам Восточной Галиции, планах реформирования избирательного законодательства в ущерб национальным меньшинствам и т.д. Результаты ее были невелики.

После прихода к власти пилсудчиков, грубая этническая ассимиляция была заменена политикой государственной ассимиляции украинцев, выражаемой хорошо известной в I Речи Посполитой формулой «*Gente Ruthenus, natione Polonus*». Соискательница показывает, что и эта политика, на первый взгляд более мягкая, чем эндековская, поскольку ее проводники в большей степени признавали субъектность украинцев, необходимость ведения с ними диалога, на практике оказалось малорезультивной. В диссертации обстоятельно исследованы две разновидности этой политики – восточногалицийская, проводимая правительством, и волынская, которую связывают с местным воеводой Юзевским, и сделан вывод, что ни та, ни другая не были политикой украинизации. Е.Ю. Борисенок правильно отмечает, что все же украинизация в межвоенной Польше также имела место, но велась она не правительством, а вопреки правительству, враждебными ему украинскими националистами и коммунистами. Интересен сюжет о восприятии украинизации в СССР польскими украинцами и негативном влиянии на него событий в УССР (борьба с шумскимизмом, голодомор и др.).

Отличный от вышеописанных вариант украинской политики, который реализовался в Подкарпатской Руси, Е.Ю. Борисенок называет нейтральным. В целом с таким ее определением можно согласиться. Поскольку у пражских правительств не было планов чехизации этой своей самой отсталой территории, восточнославянское население которой имело чрезвычайно неразвитое национальное самосознание и сильно мадьяризированную интеллигенцию, то они до середины 1930-х прямо не поддерживали ни одно из существовавших в его среде идентификационных течений. Но косвенно в наиболее привилегированном положении в этот период было все же украинское течение, усиленное эмигрантами из Восточной Галиции, нашедшими в ЧСР пристанище после поражения ЗУНР. Диссидентка отмечает, что в середине 1930-х гг. в фаворе у Праги оказалось русинское течение, но оно не стало доминирующим. Своим существованием в 1938-1939 гг. сначала автономная, а затем и независимая Карпатская Украина, как справедливо отмечает соискательница, была обязана Германии и добровольцам из Галиции, а не подъему украинского национального движения в результате украинизации автохтонного населения.

Что касается Румынии, то ее правительства, как показано в диссертации, на протяжении практически всего межвоенного периода проводили политику государственной ассимиляции национальных меньшинств, в том числе и украинцев Северной Буковины и Бессарабии. Украинизация здесь началась только после присоединения этих территорий к Советской Украине в 1940 г.

В диссертации обстоятельно показано, что украинизация совершенно иначе происходила в украинских государствах – УНР, Украинской Державе Скоропадского, ЗУНР, Карпатской Украине и УССР. Если в первых четырех украинских государственных образованиях она была только обозначена, то на советской Украине, особенно после XII съезда РКП(б), она имела статус государственной политики и велась до конца рассматриваемого Е.Ю. Борисенко периода. В диссертации убедительно доказано, что только в СССР

проводилась целенаправленная политика украинизации. Более того, именно здесь впервые в истории были определены и законодательно закреплены границы украинской национальной территории. В период между двумя мировыми войнами была разработана такая модель украинизации, которая обеспечивала равные права в области культуры и языка представителям основных национальных групп населения Украины, а также возможность получения образования и трудоустройства в любом регионе Советского Союза.

При анализе политики украинизации в СССР акцент в работе сделан на выяснении объективных и субъективных интересов центра и местных (республиканских и локальных) властных элит, показе неоднозначных отношений между украинизированными массами и исполнителями этой политики. Убедительно показана связь украинской политики большевиков с внутренней борьбой за лидерство в их руководящих центрах в Москве, Харькове и Киеве. Хотя соискательница не ставила перед собой задачи раскрыть взаимосвязь политики коренизации с рождением этнократии, ее исследование дает много ценного материала для понимания того, как в многонациональном государстве, официально исповедующем интернационализм, формировались этнократические властные группы, какие слои населения они привлекали на свою сторону и как с ними боролся центр.

Важным является вывод диссидентки, что корректировку украинизации в 1930-е гг., предпринятую по инициативе московского руководства, неправомочно трактовать как поворот к русификации, как считает часть украинских историков. Точно также как в мероприятиях, проводившихся на присоединенных к УССР в 1939 г. западноукраинских землях, не следует видеть только советизацию и игнорировать наличие в них сильной украинизационной составляющей.

Выводы диссертации, сделанные Е.Ю. Борисенок на основании тщательного анализа роли и места украинизации в политике правительства государств Восточной Европы, базируются на глубоком, всестороннем

анализе большого массива источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, а также работ предшественников. Диссидентка полностью и на высоком научном уровне реализовала намеченную программу исследования и достигла поставленной цели – проанализировала концепцию украинизации и ее реализацию в национальной политике в странах Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами. Полагаю, что на сегодняшний день рецензируемый труд – это наиболее исчерпывающее в историографии исследование истории украинизации в Восточной Европе в межвоенный период.

Диссертация Е.Ю. Борисенок обладает всеми признаками научной новизны. Главным достижением соискательницы является то, что она первой в отечественной историографии провела комплексный анализ украинизации на уровне не одной УССР, а всего ареала компактного проживания украинского народа, выявила ее значение и место в становлении украинской государственности, дала ее периодизацию, а также проследила эволюцию форм, методов и масштабов в тесной связи с политическими и социальными переменами в Восточной Европе в 1917-1941 гг. Диссидентка убедительно доказала, что украинизация, принявшая наиболее масштабные формы в СССР, стала не только важным инструментом украинского нациестроительства в УССР, но и средством стимулирования украинского сепаратизма в сопредельных странах, особенно в Польше, в которой большевики не без основания видели своего основного соперника в борьбе за привлечение украинцев на свою сторону.

Важным научным достижением Е.Ю. Борисенок является и то, что она сумела показать многоуровневую систему реализации политики украинизации, состоявшую из инициаторов и разработчиков украинизационного проекта, его исполнителей и объектов воздействия, выяснить усредненный интерес каждого из уровней, проанализировать сложные, временами драматические взаимоотношения между ними и

оценить промежуточные и полученные к конечной дате исследования результаты.

Высоко оценивая научный уровень диссертационной работы Е.Ю. Борисенок, все же считаю нужным высказать некоторые замечания и пожелания. К сожалению, в историографическом разделе не разбираются отдельно работы авторов из дальнего зарубежья, а также украинских и российских ученых, печатавших свои труды в зарубежных журналах, в частности в польских, например, в «Пшеглёнде всходнем». Конечно, эти работы, прямо не посвященные политике украинизации, или затрагивающие лишь ее отдельные аспекты, не могут изменить общей оценки историографии проблемы, но они важны для воссоздания более полной истории изучения феномена украинизации.

Следовало бы шире показать произошедший в конце 1919 г. поворот в политике Москвы в отношении национальных окраин России. Он касался не только Украины (с. 194), но и Прибалтики и других регионов. Как мне представляется, главными в тот момент были не только польский и уэнэровский факторы, а общий поворот в советской внешней политике, который должен был открыть Москве путь к нормализации отношений с западными державами. Об этом, в частности, свидетельствует выступление И. Сталина на IV конференции КП(б)У 17 марта 1920 г.

При изложении истории возникновения ЗУНР следовало бы упомянуть, что 16 октября императором Карлом I был издан манифест о преобразовании Австрии на федеративных началах. Т.е. украинские политики действовали не вопреки, а в полном соответствии с волей монарха (с. 204).

Не следовало так уж доверяться С. Кульчицкому, в межвоенной Польше не было 10 млн украинцев (с. 255). Тем более что на с. 337 приводятся более реальные данные, полученные во всеобщей переписи населения в 1931 г.

При изложении позитивной реакции на советскую украинизацию в органе Е. Петрушевича «Украинский революционер» (с. 447-448) следовало бы принимать во внимание, что к этому времени он уже достаточно давно был советским агентом влияния.

Хотелось бы также сделать несколько пожеланий общего характера. Представляется, что в дальнейшей работе над темой следовало бы больше внимания уделить институту международной защиты национальных меньшинств как фактору, до 1930-х гг. существенно влиявшему на национальную политику советского руководства в европейской части страны. Не случайно же польский национальный район в УССР был упразднен после выхода Польши в 1934 г. из договора о защите национальных меньшинств, подписанныго ею в июне 1919 г.

Во-вторых, заслуживает более пристального внимания устойчивая тенденция формирования на Украине этнической, а не политической нации. Она дала о себе знать уже в первой УНР, наблюдалась в УССР и остается актуальной и сегодня.

Высказанные замечания, а тем более пожелания не затрагивают принципиальных положений диссертации Е.Ю. Борисенок, не ставят под сомнение обоснованность ее основных выводов и наблюдений, не призывают научной значимости для историографии.

Диссертация, несомненно, продукт серьезной самостоятельной многолетней научной работы соискательницы, обладает теоретической и практической значимостью, может служить образцом для исследования коренизации в других советских республиках и создания обобщающих трудов по национальной политике в Восточной Европе в межвоенный период.

Диссертация и автореферат Е.Ю. Борисенок оформлены в соответствии с правилами, установленным ВАК при Минобрнауки России. Основные результаты диссертации нашли отражение в 49 публикациях, в том числе в 19 статьях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией

при Министерстве образования и науки Российской Федерации для публикации результатов научных исследований. Автореферат соответствует основному содержанию диссертации и позволяет составить полное представление о проведенном исследовании.

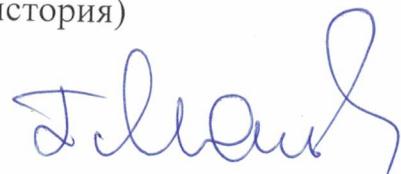
Диссертационное исследование Е.Ю. Борисенок «Концепции «украинизации» и их реализация в национальной политике государств восточноевропейского региона (1918–1941 гг.)» является оригинальным, законченным, актуальным научным исследованием, полностью соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 723), а ее автор, Борисенок Елена Юрьевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.03 – Всеобщая история.

Официальный оппонент

Доктор исторических наук

(специальность 07.00.03 – Всеобщая история)

Матвеев Геннадий Филиппович

10 мая 2016 г.

МГУ, исторический факультет, Москва, Ломоносовский проспект 27, к. 4:
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой.

119992, РФ, г. Москва, Ленинские горы.

(495) 939-23-90; faculty@hist.msu.ru

